

ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ В ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ И ЕЁ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ОБОСНОВАНИЯ МОРАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 13-06-00119) в рамках проекта «Концептуальные основания прикладной этики: методология принятия морального решения».

Рассматриваются варианты решения проблемы интерпретации и понимания, которые предлагаются в современной герменевтической философии. В методологии социального познания существуют три варианта решения проблемы понимания, которые возникли в условиях преодоления классической «модели субъекта». Эти позиции – «герменевтический объективизм», «радикальная герменевтика» и «герменевтическая реконструкция». В качестве иллюстрации позиции «герменевтического объективизма» рассматривается концепция интерпретации, предложенная Эмилио Бетти. Иллюстрацией позиции «радикальной герменевтики» является теория интерпретации и понимания, разработанная в трудах Ханса-Георга Гадамера. В качестве иллюстрации позиции «герменевтической реконструкции» рассматривается теория понимания, разработанная Юргеном Хабермасом.

Ключевые слова: понимание; интерпретация; Э. Бетти; Х.-Г. Гадамер; Ю. Хабермас.

Вопрос об условиях и возможности получения объективного знания в «науках об обществе» является центральным вопросом философии социального познания. Одно из главных отличий социальных наук от естествознания связано с тем обстоятельством, что человек в социальных науках является одновременно и субъектом и объектом изучения. Очевидно, что социальные учёные имеют более тесную связь с объектом своего исследования, чем, скажем, исследователи природы. В связи с этим обстоятельством и встаёт вопрос о том, как возможно надежное знание по поводу объектов, существование которых связано и даже обусловлено теми или иными социальными интересами.

В попытках решения данной проблемы в философии социальных наук, как известно, сложились две позиции. Сторонники так называемого сциентистского объективизма, а это прежде всего представители неопозитивизма и критического рационализма, заявляли о необходимости сохранения в сфере «наук об обществе» строгого отделения субъекта от объекта познания. С их точки зрения только данная стратегия позволит реализовать возможность применения в социальных науках тех критериев научности, которые сложились в естествознании. Сторонники другой позиции, прежде всего представители традиционной герменевтики, напротив, исходили из того, что для реализации «научности» социальным ученым необходимо актуализировать и изучить внутреннюю связь между субъектом и объектом социального познания. Игнорирование этой связи, на их взгляд, уводит в сторону от «научности» и приводит к субъективизму. Представители данной стратегии считали, что применение естественнонаучных критериев объективности к социальным наукам не отвечает природе последних.

Однако, несмотря на очевидное различие, между сторонниками этих позиций обнаруживается и неясное сходство. Внутренняя взаимосвязь субъекта и объекта социального познания не является для сторонников обеих позиций непреодолимым препятствием при получении объективного знания в сфере «наук об обществе». Они полагают, что с помощью определённых методологических процедур (наблюдение и описание в неопозитивизме, эмпатия и понимание в традиционной герменевтике) мы можем преодолеть влияние локаль-

ных социокультурных контекстов на мышление социального учёного.

Однако радикальные трансформации, произошедшие в XX в. в философии, поставили под вопрос обе эти стратегии в осмыслении специфики «наук об обществе». В результате так называемого «коммуникативного поворота» произошло окончательное преодоление модели сознания, которая долгое время являлась фундаментом классических философских построений. В рамках современного состояния философии, которое определяется как постметафизическое, субъект и трансцендентальное сознание утрачивают статус первичных оснований. Познающая активность стала мыслиться как производные от языковых систем и форм жизни. Эти изменения познания имели последствия не только в философии, но также и во всём спектре социогуманитарного познания. Так, основополагающие лейтмотивы, нашедшие своё выражение в рамках постметафизического мышления – ориентация на форму языка и представление о контекстуальности предпонимания феноменов, – были восприняты социальной наукой и привели к появлению нового типа социальной теории, который получил название «современная критическая теория» или «современная социальная теория».

Все эти изменения ведут к необходимости реализации иной стратегии в осмыслении специфики социальных наук; стратегии, которая бы отличалась от позиций традиционной герменевтики и неопозитивизма. Однако реализация этой стратегии порождает принципиальную проблему: совместимо ли представление о сущностной ситуативности любого мышления с универсалистскими притязаниями, которые свойственны теории? Проблемная ситуация, с которой мы сталкиваемся при ответе на поставленные выше вопросы, связана с тем, что мы уже не можем опираться на традиционную модель автономного субъекта и апеллировать к инстанции трансцендентальной субъективности. В данном контексте необходимо выявление новой онтологии как фундамента в обосновании социального познания.

В статье мы рассмотрим варианты решения проблемы интерпретации и понимания, которые предлагаются в современной герменевтической философии. Данная проблема крайне актуальна для философии со-

циальных наук, так как интерпретация и понимание являются важнейшими когнитивными процедурами данного типа познания.

В методологии социального познания существует три варианта решения проблемы понимания, которые возникли в условиях преодоления классической «модели субъекта». Эти позиции получили названия «герменевтический объективизм», «радикальная герменевтика» и «герменевтическая реконструкция». В качестве иллюстрации позиции «герменевтического объективизма» мы рассмотрим концепцию интерпретации, предложенную Эмилио Бетти (1890–1968). Иллюстрацией позиции «радикальной герменевтики» является теория интерпретации и понимания, разработанная в трудах Ханса-Георга Гадамера (1900–2002). В качестве иллюстрации позиции «герменевтической реконструкции» мы рассмотрим теорию понимания, разработанную в трудах Юргена Хабермаса.

«Герменевтический объективизм» Э. Бетти.

Бетти, будучи представителем позиции «герменевтического объективизма», продолжает линию классической герменевтики, развивая теорию понимания как теорию эмпатии (вчувствования). Он исходит из того, что задача «наук о духе» состоит в интерпретации объективаций человеческого духа. Данные объективации могут иметь вид текста, археологической находки, языкового выражения и т.п. Истолкование является процессом, который включает в себя три элемента: во-первых, интерпретатора, во-вторых, текст в самом широком смысле (объективация субъективного духа), и, в-третьих, то, посредством чего объективированный дух заговаривает с интерпретатором, т.е. «смыслосодержащую форму». Целью интерпретации является достижение понимания.

Центральным в герменевтике Бетти является понятие «смыслосодержащая форма», которое определяется им как средство, через которое с нами заговаривает «другой дух». Задача интерпретатора состоит в том, чтобы посредством интерпретации выявить смысл, вложенный в эту форму. С точки зрения Бетти, «смыслосодержащая форма» – это «единая структурная взаимосвязь многих воспринимаемых элементов, причем эта взаимосвязь должна быть пригодна к тому, чтобы сохранять в себе отпечаток духа, который сотворил её или воплощен в ней» [1. С. 15]. Одной из важнейших функций этой «формы» является так называемая презентующая функция, которая может быть выражена явно или оставаться неявной.

Интерпретация представляет собой инверсию процесса творчества. Понимание, с точки зрения Бетти, является повторным конструированием смысла, переданного нам «смыслосодержащей формой». Интерпретатор проходит путь творчества в обратном направлении. Через реконструкцию смысла он должен в своём сознании воссоздать то состояние мышления, которое было у автора интерпретируемого им текста. То есть при интерпретации происходит не только реконструкция смысла, но и реконструкция духа, который обращается к нам. При этом необходимой предпосылкой интерпретации является принадлежность интерпретатора и объективированного духа к «одному и тому же человечеству».

При перемещении в чужую субъективность «перед интерпретатором стоит задача воспроизвести в себе чужое мыслительное достояние и вновь создать его изнутри как нечто, что становится своим, – но вместе с тем он должен противопоставить его себе как некое инобытие, как нечто объективное и чужое» [1. С. 26–27]. Эта задача порождает методологическую трудность, связанную с вопросом о том, как сделать так, чтобы сохранялась «инаковость» смысла текста. При интерпретации объективированный дух должен сохранить свою объективность.

Для решения этого вопроса Бетти предлагает четыре «герменевтических канона», следуя которым мы способны достичь полного понимания текста. Два первых канона относятся к объекту истолкования, а два последних – к субъекту, т.е. к интерпретатору.

1. Канон герменевтической автономии. Согласно первому канону «смыслосодержащие формы следует понимать сообразно их собственным закономерностям, в соответствии с их особыми законами формирования, на основе их интендированного контекста, в их необходимости, когерентности и связности: прилагаемый к ним масштаб должен быть имманентным их изначальному предназначению» [1. С. 29]. Данное положение предстаёт как требование, согласно которому мы должны следовать принципу объективности в интерпретации, т.е. позволять «говорить» самому тексту.

2. Канон тотальности и смысловой связности герменевтического рассмотрения. Данный канон является выражением так называемого принципа «герменевтического круга», согласно которому смысл целого должен пониматься исходя из смысла его частей, а смысл частей – на основе смысла целого. С точки зрения Бетти, интерпретатору необходимо учитывать «герменевтическое взаимоотношение», которое позволяет выстраивать интерпретацию текста таким образом, «чтобы единство целого проявлялось на основе отдельных частей либо же смысл отдельных частей – на основе единого целого» [1. С. 32].

3. Канон актуальности понимания. В процессе исследования текста «интерпретатор должен в себе самом пройти (в обратном движении) путь творчества, повторно конструировать его изнутри, изнутри осуществить обратный перевод чужой мысли, фрагмента прошлого, вспоминаемого переживания в собственную жизненную актуальность, т.е. в рамках собственного опыта (посредством своего рода перемещения) приспособить их к своему собственному духовному горизонту и включить в него» [1. С. 40].

4. Канон герменевтического смыслового соответствия, или смысловой адекватности понимания. Следуя этому канону, интерпретатор должен стремиться к тому, чтобы «привести собственную жизненную актуальность к глубочайшему внутреннему согласованию с побуждением, исходящим от объекта, чтобы они, будучи настроены друг на друга (будучи, стало быть, в согласии), зазвучали в унисон» [1. С. 118–119]. Для адекватного понимания смысла некоторого произведения интерпретатору необходимо быть открытым к инаковости текста. Интерпретатор должен руководствоваться принципом «беспредпосылочности» в своём исследовании, т.е. ему необходимо воздерживаться от

своих личных представлений относительно результата интерпретации и смысла текста.

Итак, с точки зрения Бетти, исторический феномен существует как само-по-себе-бытие, т.е. как некоторая самотождественная инстанция. Смысловое содержание некоторого текста предстаёт как объективация другой субъективности. Для адекватного понимания интерпретатор должен следовать определённым герменевтическим принципам. Только так он сможет увидеть «инаковость» текста и достичь объективности. То есть объективность интерпретации связывается с адекватной реконструкцией смысла текста, а вместе с ним и чужой индивидуальности. Данное представление базируется на допущении существования самотождественного смысла текста, а также представления о субстанциальной природе субъективности, независимости её от того исторического контекста, в рамках которого осуществляется интерпретация. На наш взгляд, путь подобного решения закрыт после той критики «модели сознания», которую предприняли представители постметафизической философии.

«Радикальная герменевтика» Х.-Г. Гадамера. Философская герменевтика Гадамера разделяет точку зрения, согласно которой задача интерпретатора состоит в том, чтобы понимать текст в его собственном смысле. Но с точки зрения Гадамера «“в его собственном смысле” не означает “то, что этот автор имел в виду”» [2. С. 19]. Методическое понимание выходит за рамки субъективного замысла автора. Смысл того или иного исторического события или действия не может быть измерен субъективностью тех, кто участвует в совершении этого действия. При понимании мы соотносим себя с самим предметом интерпретации, а не с чужим мнением об этом предмете. Проблема понимания встаёт тогда, когда наша связь с этим предметом не является самоочевидной.

Философская герменевтика принимает методическое требование классической герменевтики. Согласно этому требованию, если мы хотим понять смысл некоторого исторического текста, то должны поставить себя на место автора данного текста. Однако историческая интерпретация не должна ограничиваться только исторической реконструкцией. Гадамер сравнивает процесс интерпретации текста с процессом межличностного разговора. По его мнению, мы не можем назвать устный разговор истинным разговором, если нашей целью является всего лишь изучение точки зрения другого человека на то или иное событие. В таком разговоре его фактическое содержание является всего лишь средством для знакомства с горизонтами собеседника. В качестве примера Гадамер приводит ситуацию разговора между экзаменатором и экзаменуемым, а также между врачом и пациентом. Такие типы общения не являются подлинными потому, что они не нацелены на поиск взаимопонимания. Аналогичным образом поступает и историческое сознание, когда главной задачей мыслится реконструкция смысла того или иного исторического события. В вышеприведённых примерах тексту (или другому человеку) отказывается в его притязаниях на истину. Интерпретатор выводит себя за пределы ситуации взаимопонимания. С точки зрения Гадамера, в рамках традиционного исторического по-

нимания средство превращается в цель, когда мы ограничиваемся лишь реконструкцией исторической ситуации и пытаемся реконструировать её исторический горизонт. В рамках такой методической процедуры происходит объективация «инаковости» другого. Смысл текста превращается в предмет объективного познания. По Гадамеру, мы должны вернуться к модели разговора, нацеленного на поиски взаимопонимания. Текст должен превратиться для нас в равного нам собеседника. А историческая реконструкция является лишь моментом интерпретации.

Также в рамках философской герменевтики высказывается тезис о невозможности перенесения себя в ту ситуацию, в которой создавался текст. Если и говорить о перенесении, то только о привнесении себя самих в историческую ситуацию. Однако «подобное перенесение себя не есть ни вчувствование одной индивидуальности в другую, ни приложение к другому наших собственных масштабов – оно всегда означает достижение более высокой общности, преодолевающей не только нашу собственную партикулярность, но и партикулярность другого» [3. С. 361].

Концепция понимания, разработанная Гадамером, исходит из двух предпосылок. Во-первых, она исходит из представления о радикальной историчности и конечности человеческого существования. Мы не можем преодолеть влияние собственного социокультурного контекста. Согласно Гадамеру, процесс истолкования осуществляется не с высоты некоей внеисторической инстанции и не посредством «вживания» в субъективный мир автора, но всегда из той ситуации, в которой находится интерпретатор как исторически определённое существо. Полемизируя с предшествующей герменевтикой, Гадамер стремится не только продемонстрировать неснимаемость «ситуационной укоренённости» понимающего субъекта, но и показать продуктивность этой укоренённости для процесса истолкования. Суть гадамеровской мысли в том, что та историческая ситуация, тот культурный контекст, в котором находится субъект интерпретации, не является нейтральным по отношению к процессу истолкования, но оказывает активное воздействие и на выбор предмета, исследования, и на предположение этого предмета, и, в конечном итоге, на результат интерпретации. Во-вторых, Гадамер предлагает оригинальную концепцию смысла. Согласно этой концепции смысл текста не есть нечто постоянное и неизменное. По Гадамеру, смысл текста также историчен. Согласно философской герменевтике последующие интерпретации смысла некоторого текста не являются чем-то внешним по отношению к нему, но являются его конкретизацией в новых исторических контекстах. В этом плане смысл не ограничивается только некоторым одним текстом. Он обладает темпоральностью и историчностью. Для прояснения тезиса об историчности смысла вводится понятие «история воздействий».

В процесс «истории воздействий» входит история интерпретации и само понимание смысла некоторого текста. Каждая новая интерпретация видоизменяет и конкретизирует смысл текста. Гадамер указывает на «взаимововлечённость» двух процессов – «процесса традиции» и «процесса интерпретации», внутреннее

взаимодействие действия живой традиции и действия исторического исследования. Таким образом, история включает и попытки её осмысления. Мысль Гадамера состоит в том, что сама история есть совокупность попыток её интерпретации. Значит, традиция – это вместе с тем и традиция её интерпретации, закономерная последовательность попыток осмысления традиции – её необходимый момент. Этот момент указывает на то, что ни один текст не дан нам в «чистом» виде. Наше отношение к нему опосредовано теми восприятиями и теми его адаптациями, каким текст подвергался на протяжении всей его истории. В каждой новой интерпретации происходит уточнение смысла текста. Смысл текста каждый раз видоизменяется с новой интерпретацией, во взаимодействии с той социокультурной средой, в которую он в данный момент вовлечён. Таким образом, историчность понимания связана не только с тем, что понимание направляется историческим контекстом и предрассудками, но и с тем, что обнаруживаемый в процессе интерпретации смысл не является окончательным, но он может изменяться. Понимание всегда соотносено с конкретной исторической ситуацией. А смысл может уточняться или изменяться в зависимости от исторических предпосылок, направляющих понимание.

Понимание здесь мыслится не только как методическая процедура, которой должен пользоваться интерпретатор в «общении» с текстами; посредством понимания происходит «свершение предания» в настоящем. Таким образом, понимание имеет онтологический характер, оно выступает в качестве определённого механизма трансляции культурных смыслов, т.е. оно выполняет функцию воспроизводства культуры.

Представление об обусловленности интерпретации историческим контекстом выражается в понятии «предпонимания». Процесс истолкования текста не начинается с «чистого листа». Прежде чем приступить к интерпретации, интерпретатор уже имеет предварительное понимание этого текста. В сравнении с предшествующей традицией новаторство философской герменевтики заключается в представлении о том, что «предпонимание» имеет онтологический характер, поэтому интерпретатор не может выйти за его пределы. Отсюда задача заключается не в том, чтобы избавиться от «предпониманий», но в том, чтобы сделать их максимально явными. Таким образом, «предпонимание» играет позитивную роль в достижении понимания. Оно является необходимым условием достижения последнего. Лишь благодаря сущностной предпосылочности сознания интерпретатора он способен нечто понять. Дело заключается не в том, чтобы избавиться от «предмнений», но в том, чтобы сделать эти предмнения явными и благодаря им воспринять текст в его инаковости.

Понимание осуществляется всегда в рамках определённого предпонимания, которое формируется языком и существующей традицией. Данное предпонимание направляется тем, что Гадамер называет «предрассудки», т.е. мнениями авторитетов, общими представлениями и т.п. Эта предрассудочность определяется тем, что человек всегда вписан в определённую историческую ситуацию. Любая историческая ситуация имеет границы. Возможности интерпретации определяются

границами нашей исторической ситуации. Разрабатывая понятие герменевтической ситуации, Гадамер вводит понятие горизонта. С точки зрения Гадамера, «горизонт – поле зрения, охватывающее и обнимающее все то, что может быть увидено из какого-либо пункта» [З. С. 358]. Задача исторической интерпретации состоит в нахождении правильного горизонта для решения тех вопросов, которые ставит перед нами историческая традиция. Не существует замкнутых в себе горизонтов.

Социокультурный контекст, к которому относится интерпретатор, оказывает влияние на сам процесс интерпретации. Смысл дошедшего до нас текста определяется той исторической ситуацией, в которой мы находимся. Смысл текста не исчерпывается замыслом автора, он превышает авторское понимание. Герменевтическое понимание – это не просто репродуктивный процесс, связанный с реконструкцией внутреннего мира автора. Но, с точки зрения философской герменевтики Гадамера, интерпретация включает в себя продуктивное отношение, связанное с трансляцией смысла интерпретируемого текста в современность. В связи с этим отношением Гадамер говорит о том, что «неверно в связи с этим продуктивным моментом, заложенным в понимании, говорить о том, что мы понимаем лучше. В действительности понимание не может быть лучшим, будь то в смысле лучшего фактического знания, достигнутого благодаря более отчётливым понятиям, будь то в смысле принципиального превосходства, которым обладает осознанное по сравнению с неосознанным, что свойственно всякому творчеству. Достаточно сказать, что мы понимаем *иначе* – *если мы вообще понимаем*» [З. С. 351].

Итак, Гадамер проводит позицию «радикальной герменевтики» в вопросе об объективности понимания. С его точки зрения, любая интерпретация и понимание историчны. Данные процессы вписаны в социокультурный контекст, влияние которого преодолеть невозможно. Оценивая подход Гадамера, нужно признать, что он последовательно проводит представление об историчности человеческого бытия при анализе процесса истолкования текстов. Данный подход даёт возможность иначе взглянуть на интерпретацию и понимание, как базовые методы «наук о культуре». Данные методы оказываются видом социальной практики, связанной с трансляцией культурных смыслов в современность. Однако Гадамер проводит свой анализ в онтологической плоскости. Его исследование направлено на выявление необходимых условий понимания. Это уводит его в сторону от вопроса об условиях общезначимости и объективности понимания.

«Герменевтическая реконструкция» Ю. Хабермаса. Подход Хабермаса к пониманию реализован в рамках не трансцендентально-онтологической, а скорее методологической перспективы, т.е. с точки зрения определения норм исследовательской практики. Понимание смысла требует участия в процессе взаимопонимания. Социальный ученый занимает перформативную установку участника коммуникативного взаимодействия. Цель данного взаимодействия заключается в достижении согласия. Тот, кто хочет достичь согласия, имплицитно признает общие стандарты, на основании которых возможно его достижение. Понимание пред-

полагает, что социальный ученый воспринимает притязания, с которыми выступает другой. Он не может изначально подходить к области своего исследования, не оценивая эти притязания и занимая по отношению к ним объективную установку наблюдателя.

Вопрос об объективности понимания решается в формальной прагматике через введение понятия «коммуникативная рациональность». В общем виде коммуникативную рациональность можно представить как совокупность структур, которые обеспечивают нам возможность прийти к взаимопониманию. Источником коммуникативной рациональности является коммуникативная компетенция субъекта, заключающаяся в понимании языка, а значит, в умении использовать понятные слова и выражения в новых ситуациях.

С точки зрения Хабермаса, «лишь в той мере, в какой интерпретаторы раскроют также и *основания*, которые позволяют высказываниям автора выглядеть рациональными в его глазах, они смогут понять, что имел в виду автор» [4. С. 49]. Рациональность символических проявлений субъекта сводится к доступности их для критики и, соответственно, к возможности их обоснования.

В перформативной установке, ориентированной на взаимопонимание, участники коммуникации имплицитно выдвигают притязания на то, что, во-первых, «произнесённое высказывание истинно (т.е. предположки существования указанного пропозиционального содержания соответствуют действительности)» [4. С. 204]; во-вторых, «с учётом данного нормативного контекста речевое действие правильно (т.е. легитимен сам нормативный контекст, которому оно подчинено)» [4. С. 204]; и, в-третьих, «в манифестируемой речевой интенции подразумевается то же, что и выражается явно» [4. С. 204]. То есть притязания на то, что высказывание истинно, правильно или правдиво. В повседневной коммуникативной практике эти притязания могут нами не различаться и не замечаться. Но если кто-то не соглашается с тем или иным речевым актом, это означает, что высказывание не соответствует чему-либо в мире объективно существующих фактов, либо в мире социальных норм и межличностных отношений, либо в мире субъективных эмоций и переживаний. Данные притязания характерны также и для текста. С точки зрения Хабермаса, любая интерпретация является рациональной. В процессе истолкования и понимания интерпретаторы не могут не принимать во внимание стандарты рациональности, т.е. те стандарты, которые они сами рассматривают как обязательные для всех участников коммуникации, включая и автора с его современниками (поскольку те могли бы вступить и вступили бы в коммуникацию, возобновляемую интерпретаторами).

С точки зрения формальной прагматики, о понимании мы можем говорить тогда, когда мы знаем, что делает некоторое смысловое проявление приемлемым, т.е. когда мы знаем, при каких условиях связанное с данным смысловым выражением притязание является приемлемым для слушателя. Социальный ученый, который интерпретирует некое символическое проявление акторов, может прояснить его смысловое значение, только выявив те контексты, в которых участники

коммуникативного взаимодействия реагируют на данное проявление, т.е. занимают ту или иную позицию в отношении него. Соответственно, нельзя говорить о понимании, если в результате интерпретации мы не можем выявить основания, в силу которых участники коммуникации осуществляют выбор в пользу той или иной позиции. С точки зрения Хабермаса, принятие или неприятие относительно выдвигаемых притязаний на значимость в ситуации нормальной коммуникации происходит не в силу каких-то внешних причин, а в силу рациональных оснований, которые есть у участников коммуникации. Интересно, что эти рациональные основания, в силу которых акторы занимают ту или иную позицию, не могут быть выявлены из установки третьего лица, т.е. из перспективы внешнего наблюдателя. Интерпретатор сам вовлечён в ситуацию участника коммуникации и в силу этого вынужден оценивать притязания на значимость. Он должен при случае сам привести те доводы, которые делают интерпретируемую им ситуацию приемлемой.

Итак, с точки зрения формальной прагматики интерпретатор, занимая перформативную установку, в процессе реконструкции смысла некоторого текста одновременно оценивает те притязания, которые данный текст выдвигает. Основой для оценки данных притязаний являются стандарты рациональности, которые имплицитно присутствуют в коммуникативном взаимодействии. Язык и коммуникация оказываются средой и основанием социального познания. Природа данных притязаний парадоксальна, так как, с одной стороны, посредством данных притязаний преодолеваются локальные ситуации, в которых происходит коммуникативное общение (участники коммуникации при достижении консенсуса получают знание, значимость которого не ограничивается локальным контекстом). С другой стороны, данные притязания выдвигаются в конкретной коммуникативной ситуации и связаны с координацией планов конкретных участников коммуникации. Данные притязания не являются универсальными априорными условиями, неизменными и абсолютными. Эти притязания тесно связаны с повседневными социальными практиками. Кроме того, возможность артикуляции этих условий связана с рационализированным миром модерна.

Мы рассмотрели разные модели интерпретации и понимания, предлагаемые современной герменевтической философией. На наш взгляд, позиция Бэтти находится в горизонте традиционной романтической герменевтики, которая основана на классической модели сознания. Объективность интерпретации обеспечивается определёнными методическими правилами. Однако в современной постметафизической философии фокус смещается с субъективности интерпретатора на языковую коммуникацию и на структуры, которые обнаруживаются в языке. В этом смысле позиция Бэтти не отвечает современному типу философского мышления, в рамках которого происходит отказ от классической модели сознания. Современной кондиции философствования отвечают позиции Гадамера и Хабермаса. Так, Гадамер артикулирует момент языкового предания. С его точки зрения, языковой универсум является не только средой и основанием интерпретации, но и необходимым услови-

ем возможности понимания. Через достижение понимания происходят трансляция и воспроизведение языкового предания в новых исторических условиях. Понимание выступает не просто как методическая процедура, но как важнейшая культурная практика. В рамках концепции Гадамера понимание оказывается универсальной культурной практикой, которая выступает своеобразным механизмом, посредством которого происходит трансляция культурной традиции в современность. Понимание связано не просто с реконструкцией смысла или реконструкцией условий, при которых высказывание оказывается осмысленным, но с принятием истинности смысла. В концепции, разработанной Хабермасом, выявляются структуры, которые обеспечивают получение адекватного понимания. Однако эти структуры находятся в языковой коммуникации. Понимание выступает методологической процедурой, используемой при интерпретации текстов. Эта процедура тесно связана с реконструкцией тех оснований, при которых высказывание предстаёт осмысленным. Данные основания раскрываются из перформативной установки участников коммуникации. На наш взгляд, позиции Гадамера и Хабермаса можно рассматривать как взаимодополнительные. В рамках своих подходов они артикулируют разные аспекты процесса интерпретации. В своей концепции Гадамер рассматривает более фундаментальный и глубокий уровень проблемы понимания. Он исследует данную проблему в экзистенциально-онтологической

плоскости. Если у Хабермаса понимание оказывается методической процедурой, то у Гадамера – модусом человеческого понимания. Гадамеровскому понятию понимания скорее соответствует то, что Хабермас называет взаимопониманием.

В современных философских исследованиях общим местом становится представление о том, что коренные трансформации в онтологии ведут к утверждению принципов контекстуализма и релятивизма во всём спектре социогуманитарных наук, т.е. представлению о том, что любое наше знание сущностно ситуативно и исторично. В этической теории эта ситуация также ведёт к утверждению принципа относительности моральных норм, т.е. представлению о том, что в основе морального выбора лежат не рациональные, а эмоциональные основания. Положения, разработанные в современной философской герменевтике (мы имеем в виду прежде всего формальную прагматику Ю. Хабермаса), могут быть полезными для методологии моральной теории и преодоления позиции морального релятивизма. Данные концепции намечают перспективу, в которой, с одной стороны, сохраняется представление о сущностной обусловленности нашего познания языком и культурой, а с другой стороны, выявляются структуры, которые обеспечивают получение рационального и объективного знания. Эти структуры имплицитно присутствуют в языковой коммуникации. Именно они обеспечивают возможность осмысленной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бетти Э. Герменевтика как общая методология наук о духе. М. : Канон+ РООИ Реабилитация, 2011. 144 с.
2. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М. : Искусство, 1991. 367 с.
3. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. М. : Прогресс, 1988. 704 с.
4. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб. : Наука, 2000. 377 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 29 июня 2013 г.